

Санкции в теории международных отношений: методологические противоречия и проблемы интерпретации¹

Б.И. Ананьев

Ананьев Борис Игоревич – преподаватель, кафедра политической теории МГИМО МИД России; Российская Федерация, 119454, Москва, просп. Вернадского, д. 76; E-mail: ananyevboris92@gmail.com

Цель статьи – анализ современного состояния двух ведущих школ теории международно-политической мысли (реализма и либерализма) на предмет их объяснительных возможностей в отношении санкционной проблематики, сложившейся в результате введения санкций против России в 2014 г. и последующих ответных мер. Следуя за выдающимся социологом и историком науки Р. Мертоном, автор отмечает важную роль теорий среднего уровня в изучении феноменов, лежащих на пересечении предметных полей экономики, юриспруденции и политической науки, к которым относятся международные санкции. Вместе с тем обозначается очевидно назревшая необходимость вписать санкции в более широкий теоретический контекст, что позволит внести вклад в переосмысление характера современного международного взаимодействия. Развивая этот тезис, автор последовательно рассматривает парадигмы либерализма и реализма и приходит к выводу о том, что санкционная проблематика попадает в серую зону их объяснительного потенциала. В итоге автор делает заключение, что для решения поставленной задачи академическое сообщество должно либо отказаться от идеи изучать санкции в категориях высокой абстракции и вернуться к их инструментальному пониманию, либо адаптировать объяснительные принципы международного реализма и либерализма (что, вероятно, существенно изменит их облик), либо пойти по третьему пути, предусматривающему создание иной онтологии международных отношений.

Ключевые слова: теория международных отношений; политическая теория; санкции; экономические санкции; теория среднего уровня; методология

Для цитирования: Ананьев Б.И. (2019) Санкции в теории международных отношений: методологические противоречия и проблемы интерпретации // Вестник международных организаций. Т. 14. № 3. С. 136–150 (на русском и английском языках). DOI: 10.17323/1996-7845-2019-03-07.

Введение и предварительные замечания

Международно-политическая напряженность, спровоцированная событиями 2014 г., создала в научной и экспертной среде запрос на осмысление сложившейся обстановки, а также перспектив ее развития – об антироссийских санкциях и ответных шагах активно говорят в СМИ и на профильных площадках. Вместе с тем, несмотря на очевидно «модный» характер темы, российская политическая наука еще не сформировала контуров, которые могут быть положены в основу школы или национальной исследовательской традиции. В свою очередь, создание школы предполагает обращение к фундаментальным основам дисциплины, то есть к базовым составляющим теории между-

---

¹ Статья поступила в редакцию в марте 2019 г.

народных отношений в ее современном состоянии. Я полагаю, что потребность в таком шаге назрела и предпринимаю попытку рассмотреть санкции в контексте объяснительных возможностей больших школ мысли, которые не утрачивают своей значимости для большинства международников. Но прежде чем приступить непосредственно к рассмотрению заявленной темы, необходимо сделать несколько важных предварительных замечаний.

Во-первых, за исключением специально оговоренных в тексте случаев, под санкциями будут пониматься введенные ЕС, США и поддержавшими это решение государствами начиная с 17 марта 2014 г. в отношении ряда российских политиков и действующие по настоящий момент в виде расширенного пакета ограничительные меры, а также ответные действия российской стороны, собирательно названные контрсанкциями. Как известно, только в XX в. в качестве внешнеполитического инструмента санкции использовались более 170 раз [Elliott et al., 2009]; при этом большая часть из них приобрела статус рутинно-технической практики. Таким образом, санкционная проблематика является широкой и вполне укорененной в обозримом историческом прошлом, однако события 2014 г. создали на международной арене качественно новую ситуацию, которую необходимо осмыслить, инкорпорируя и не игнорируя ранее накопленные знания о санкционной проблематике.

Во-вторых, под методологическими аспектами в данной работе понимается как наиболее широкая концептуальная рамка исследовательского взгляда – парадигма (которая без смысловых искажений употребляется в качестве синонима подхода, школы мысли и исследовательской традиции), так и совокупность исследовательских методик и инструментов, то есть методология в узком понимании данного термина.

В-третьих, рассматривая две крупные парадигмы теории международных отношений – либерализм и реализм, я осознанно исключаю из предметного поля третью школу мысли – конструктивизм. Прежде всего, данный факт объясняется тем, что, в отличие от либерализма и реализма, «спорность и незавершенность процесса формирования конструктивизма как направления исследований заметна уже при первом приближении» [Алексеева, 2014, с. 5]. Это означает, что полноценная предварительная концептуализация сместит фокус статьи в сторону от ее изначальной цели. Однако вместе с тем представляется, что такое исследование целесообразно провести в будущем в ходе дальнейшего научного поиска на данном направлении. Кроме того, по словам одного из выдающихся представителей конструктивизма А. Вендта, конструктивизм не обладает предсказывающей и объяснительной функциями [Wendt, 1992], что дополнительно осложняет прямое неадаптированное сравнение трех ведущих парадигм в рамках одной работы. Косвенно тот факт, что конструктивизм в его международном измерении сегодня переживает не самые простые времена, подтверждается эмпирическими наблюдениями за наукой о международных отношениях. Так, в рамках заслуживающего внимания исследования «Академические практики прогнозирования в международных отношениях: методологические доминанты и нерешенные проблемы» была произведена аналитическая работа в отношении 160 прогностических статей из лидирующих журналов по тематике международных отношений за период с 2006 по 2015 г. [Ананьев и др., 2018]. Результаты показали, что число прогностических исследований, выполненных в парадигме конструктивизма, уступает двум другим большим школам; более того, в ближайшем будущем эта тенденция, скорее всего, сохранится.

В-четвертых, оговоримся, что рассуждения о вероятности глобального военного столкновения лежат вне фокуса данной работы. Мне близка идея «новой реальности» [Сушенцов, 2017] и соответствующая логика рассуждений, приводящая к выводу о том, что отношения между Россией и коллективным Западом вступили в новую фазу устой-

чивой, но предсказуемой и контролируемой конфронтации. Тем не менее это не означает, что такой миропорядок не нуждается в описании со стороны академического сообщества в категориях науки о международных отношениях.

Наконец, в-пятых, спецификой теории международных отношений является несколько менее выраженная сегодня, но не переставшая определять облик дисциплины конкуренция больших школ мысли, которые либо стремятся в одностороннем порядке завоевать монополию на интерпретацию международных процессов, предлагая для этого ряд эксклюзивных концепций — «визитных карточек» (например, «дилемма безопасности» в реализме, «идентичность» в конструктивизме, и т.д.), либо принципиально по-разному объясняют то или иное международно-политическое явление². Именно подобный ход развития науки, канонически оформленный в виде «больших дебатов», и предопределил ее одновременные фрагментированность и целостность. Таким образом, периодически звучащий самоочевидный тезис о том, что ни одно явление международной действительности (в том числе санкции) не может быть объяснено исключительно с помощью одной парадигмы, в данной статье не оспаривается и одновременно не противоречит тому, что, во-первых, разбирая в данном конкретном случае санкционную проблематику, необходимо понимать сильные и слабые стороны уже имеющихся крупных теоретических построений, задающих тон ходу мысли международников (что и составляет непосредственно цель работы); во-вторых, теоретизирование как таковое (теория международных отношений не является исключением) не подразумевает выстраивание системы догм (это в принципе противоречит характеру научного знания), однако изначально заключает в себе действия по принципу “des Als Ob”, то есть так, как если бы желаемый результат позволил лучшим из возможных способов восполнить пробел в знании об окружающей действительности (речь идет о нормативном компоненте теории). По аналогичным принципам проводится и диагностика уже существующих «больших теорий».

Данная работа имеет следующую структуру:

- Раздел «Введение и предварительные замечания», где перечисляются основные многозначные понятия, использованные в статье, и дается разъяснение авторского словоупотребления.
- Раздел «Двигаясь по лестнице абстракции», в котором представлено обоснование целесообразности.
- Раздел «За чертой взаимозависимости», посвященный анализу объяснительных возможностей (нео)либерализма при изучении санкционной проблематики.
- Раздел «Преждевременный реванш реализма», посвященный анализу объяснительных возможностей (нео)реализма при изучении санкционной проблематики.
- Раздел «Выводы и дальнейшая дискуссия», обобщающий ключевые авторские заключения, а также намечающий основные потенциальные точки дальнейшей дискуссии по теме работы.

Двигаясь по лестнице абстракции

Выдающийся социолог и историк науки Р. Мертон в знаковой работе «Социальная теория и социальная структура» отмечал: «Подобно многим другим часто применяемым

² Например, с позиций либерализма, рост числа асимметричных конфликтов в конце XX — начале XXI вв. можно объяснить увеличением количества влиятельных негосударственных акторов, отстаивающих собственные интересы, а с позиций реализма — разбалансировкой классической структуры межгосударственного противостояния, при которой оно смещается преимущественно в сторону прокси-войн.

словам, слово “теория” грозит стать бессмысленным. Из-за разнообразия его референтных значений — куда входит все: от второстепенных рабочих гипотез и обстоятельных, но туманных и неупорядоченных рассуждений до аксиоматических систем мышления — употребление этого слова скорее затрудняет понимание, чем способствует ему» [Мертон, с. 64]. Изначально высказанный в отношении социологии, этот тезис оказался органично применим и к политической науке в целом, очень точно и резко выветив проблему хода исследовательской мысли, заключенной между Сциллой и Харибдой высокой абстракции и приземленной эмпирики. Предложенный Мертоном компромисс в виде теорий среднего уровня способствовал гармонизации методологически фрагментированного знания о социально-политической действительности, но при этом не снял вопрос о том, как определить оптимальную степень абстракции и отдаленности от изучаемого объекта в конкретном отдельно взятом случае.

Вместе с тем данный вопрос расположен не только в плоскости философии науки, но и включает в себе выраженную практико-ориентированную составляющую, поскольку некоторые явления окружающей международно-политической действительности чувствительны к исследовательскому инструментарию³. Ярким примером подобного рода феноменов являются международные экономические санкции, которые в первом приближении допускают вариативность применяемых для их изучения методов научного поиска и объяснительных парадигм.

Представление санкционной проблематики в виде набора теоретических построений среднего уровня, безусловно, оправданно; более того, на сегодняшний день именно этот путь широко распространен в академической среде. В данном случае задача, которую решает экспертно-аналитическое сообщество, — сделать санкции «умнее» в условиях, когда экономические ограничительные меры повсеместно признаются в качестве одного из наиболее популярных внешнеполитических инструментов. Популярность, однако, не означает эффективности; эксперт отдела политического прогнозирования Госдепартамента США Э. Фишман убедительно иллюстрирует это следующим примером. «В марте 2016 г., — отмечает Фишман, — министр финансов США Дж. Лью сделал важное предостережение: “Мы должны осознавать риск чрезмерного использования санкций, которое может подорвать наши лидирующие позиции в глобальной экономике и эффективность самих санкций”. Чем больше Соединенные Штаты полагаются на санкции, — отметил Лью, — тем активнее другие страны пытаются избавиться от зависимости от американской финансовой системы и таким образом уменьшить свою уязвимость в случае введения санкций США» [Фишман, 2018]. В аналогичном ключе высказываются и авторы материала с говорящим названием «Как правильно выстроить политику санкций в отношении Китая» З. Купер и Э. Лорбер: «...объем американо-китайских хозяйственных отношений настолько велик, что у Вашингтона нет реальных рычагов экономического давления на Пекин. Более того, политические круги США должны отдавать себе отчет в том, что инициирование широкомасштабных санкций против Китая будет стратегически неверно и просто невыполнимо на практике. Тем не менее точечные, продуманные санкции могут позволить добиться от Пекина нужного поведения малой кровью» [Cooper, Lorber, 2016]. Иными словами, «новые санкции» должны быть вариативнее и адаптивнее ограничительных мер прошлого [Feaver, Lorber, 2015], а государство-инициатор — как минимум на шаг впереди в оценке

³ Важно отметить, что в отличие от так называемых сущностно-оспариваемых концепций, которые являются объектами конкуренции со стороны больших школ мысли или идеологий (например, принципиально различная трактовка справедливости в консерватизме и социализме), речь идет именно о противопоставлении применяемых методов и методик по оси «эмпирическое — абстрактное». Об этом см.: [Gallie, 1955].

их эффективности и последствий. Такой подход опирается на традиционную для теорий среднего уровня сильную эмпирическую составляющую, что вполне объяснимо; санкции в данном случае понимаются расширительно, то есть содержательно близки к понятию торговых войн⁴.

Однако даже в эпоху «умных» санкций их ход и возможные последствия все еще сложно прогнозировать, в связи с чем с другого конца проблемного поля звучат несколько иные голоса. О том, сохранится ли в будущем динамика использования санкций как инструмента внешней политики, рассуждает один из ведущих американских международных Д. Дрезнер. В похожем ключе высказывается и традиционно близкий к политическому истеблишменту страны Р. Хаас: «США должны демонстрировать сдержанность и уважение к другим, чтобы восстановить репутацию мягкого актора. Для этого придется отказаться от некоторых шагов, которые Америка практиковала во внешней политике в последние годы. Прежде всего, забыть об авантюрных вторжениях в другие страны и экономической политике как оружию, то есть чрезмерном использовании санкций и тарифов. Но самое главное – пересмотреть рефлекторное противодействие многостороннему подходу» [Хаас, 2019]. И дело здесь, скорее, не в пессимизме отдельных экспертов, равно как и не в их идеалистических настроениях относительно будущего: вопрос заключается в потребности вписать инструментальное понимание санкций в более широкий общетеоретический контекст. Такая позиция менее распространена, однако заслуживает пристального внимания и вызывает закономерный вопрос: насколько теория международных отношений в ее современном виде, формируемая, прежде всего, двумя большими школами мысли⁵, способна объяснить характер и природу текущего санкционного противостояния (задача минимум) и предсказать его будущее (задача максимум). Решать данную исследовательскую задачу представляется целесообразным за счет последовательного рассмотрения представленных выше ведущих школ международных исследований на предмет их конгруэнтности.

За чертой взаимозависимости

Наиболее уязвимой перед лицом сложившейся ситуации предстает парадигма либерализма⁶ в ее как мягких, так и выраженных формах. Это можно объяснить тем, что лежащая в основе большинства построений либерализма установка, согласно которой мир является порождением баланса интересов, образующих состояние взаимозависимости (проще говоря, рационально постигаемый миропорядок, при котором потери от поражения в потенциальном конфликте значительно превышают выгоды от потенциального выигрыша [Keohane, Nye, 1987]), больше не обладает достаточной объяснительной способностью. Уже в 2000 г., говоря о теории комплексной взаимозависимости, К. Уолтц вполне обоснованно подчеркнул, что «это положение, при котором ни одна из сторон не может совершить какой-либо маневр, не ущемив других; как будто круги от маленького камня вызывают резонанс подобный шторму. И чем теснее взаимозависимость, тем более выраженные формы приобретает этот эффект, так что труднее реа-

⁴ В программной для российской школы международных исследований статье «Экономические санкции как политическое понятие» И.Н. Тимофеев обращает внимание на отсутствие в классических работах терминологического единообразия, вследствие чего в экспертном сообществе сформировались две традиции: выросший из Хафбауэра, Шотта и Элиотта собирательный подход и опирающаяся на Р. Пейпа узкая интерпретация, предполагающая различие между санкциями как политически мотивированными шагами и торговыми войнами. См.: [Тимофеев, 2018; Лякин, Рогов, 2017].

⁵ См. разд. «Введение и предварительные замечания».

⁶ В данной работе автор осознанно не разделяет «классические» и «нео-» парадигмы, используя общие названия «либерализм» и «реализм» без ущерба для качества аргументации.

лизовать национальные интересы, не принимая во внимание национальные интересы других сторон [и не угрожая им либо своими действиями, либо попытками контролировать действия оппонентов. — *Примеч. авт.*]. <...> Таким образом, взаимозависимость может в той же степени провоцировать войны, в которой ей часто приписывают способность устанавливать мир» [Waltz, 2000].

Безусловно, замечания Уолтца не автономны, а, напротив, являются органическим продолжением полномасштабной критической линии, выстроенной как минимум по двум направлениям. С одной стороны, выгоду от сотрудничества имеет смысл рассматривать не в абсолютном, а в относительном выражении, сосредоточившись на вопросе распределения благ между участниками кооперации. В этом смысле для государства зачастую более принципиально добиться такой конфигурации, при которой оно не максимизирует собственные достижения, а минимизирует выгоду ключевых оппонентов [Giesco, 1988]. С другой — приведенная выше схема в большей степени присуща либо биполярной системе, либо структуре со значительной асимметрией в ресурсах и возможностях акторов, в то время как полицентричность предполагает акцент на валовые показатели [Duncan, 1991]. Однако даже если не принимать во внимание отмеченную выше амбивалентную природу одной из ключевых конструкций школы либерализма, невозможно игнорировать тенденцию (или, по крайней мере, очевидные попытки) нивелировать последствия экономической кооперации, обеспечив максимально возможный уровень хозяйственной автономии (в том числе ее радикальное проявление — намеренно культивируемую экономическую конкуренцию с соответствующим набором санкций как протекционистских инструментов). В этом смысле можно говорить о размывании основ взаимозависимости, когда осознание потенциального экономического ущерба в случае конфронтации уже не является решающим аргументом и предохранительным механизмом, а санкции становятся наглядным тому подтверждением.

В защиту объяснительных возможностей либерализма его сторонники могут возразить, что по своей сути представленная ситуация не является парадоксальной либо аномальной, поскольку она может быть описана — по крайней мере, отчасти — в категориях адаптированной к требованиям времени концепции кооперативной безопасности, когда санкции предстают в виде упреждающей либо непосредственной реакции объединенной коллективной волей и базовыми интересами группы государств на потенциально опасные или уже совершенные подрывные действия со стороны конкретного субъекта международных отношений. Однако пример с санкциями в отношении России нарушает целостность подобных построений, создавая ряд внутренних противоречий. Так, если трактовать кооперативную безопасность, опираясь на одного из «отцов-основателей», Р. Кеннеди, то следует признать, что, во-первых, фокус внимания исследователя смещен в сторону угроз, спровоцированных потенциальным распространением оружия массового поражения, террористических и экстремистских акций и внутригосударственных конфликтов (то есть сценарий неприемлемого поведения какого-либо из государств и, соответственно, адекватной реакции на подобное поведение проработан не столь детально) [Цыганков, 2000]. Во-вторых, важным условием для построения системы кооперативной безопасности является ее инклюзивный характер. Для Кеннеди это означает необходимость учесть интересы всех участников, что вызывает закономерный и по своей сути полемический, а значит, неразрешимый вопрос о том, насколько интересы России принимались во внимание в 2014 г., когда санкции вводились под предлогом ответа на ее неприемлемые действия на международной арене, а также были созданы предварительные условия для того, чтобы предотвратить и исключить подобный сценарий развития ситуации, заменив его менее конфронтационным.

Если же разделять иную точку зрения на сущность кооперативной безопасности, представленную Р. Коэном, согласно которой эта система представляет собой симбиоз коллективной безопасности и обороны, который в сочетании с «проецированием стабильности» [Коэн, 1999] включает в себе и императивное начало, то в таком случае санкции стоит трактовать как инструмент «принуждения непокорных»⁷, а это, по меткому замечанию П.А. Цыганкова, значит, что «трудно отделаться от впечатления, что речь идет о безопасности узкого круга избранных государств, причем ради сохранения (или продвижения?) общих интересов они не должны останавливаться перед применением силы по отношению к странам, не участвующим в данной системе» [Цыганков, 2000, с. 5]. Очевидно, что подобная постановка вопроса не вписывается в логику либеральной мысли, а эксклюзивный характер кооперативной безопасности, институционально закреплённый в виде присутствия на международной арене организаций со сверхполномочиями (для Коэна – это НАТО) и как минимум несоответствующими интересами создает политико-правовую коллизию, в результате которой значительная часть санкций вводится без соответствующего решения Совета Безопасности ООН, что позволяет открыто ставить вопрос об их легитимности.

Вторая принципиальная для либерализма линия аргументации опирается на понятие международного режима, собирательно понимаемого, во-первых, как социальный институт, то есть устойчивую конфигурацию правил поведения, ролей и отношений; во-вторых, как конкретную специфическую регулируемую область международных отношений в противовес более широким и глобальным структурам [Levy et al., 1995]. Даже если не принимать во внимание критические замечания части научного сообщества относительно слабой теоретической проработанности проблематики отдельных режимов (в частности, контроля над вооружениями [Gallagher, 2012]), события показывают, что сегодня вполне уместно говорить если не о деградации, то, по крайней мере, об эрозии не просто конкретных элементов системы режимов, но – что, вероятно, более важно – самой идеи режима как универсального регулятора международной действительности и страховочного механизма в ситуации нарастания конфликтности. Изначальный оптимизм в отношении возможностей и перспектив режимов уступил место, скорее, сдержанной настороженности, возникшей не в последнюю очередь на фоне их кризиса, а также полноценного распространения санкционного противостояния на те сферы, которые традиционно воспринимались как системообразующие с точки зрения интересов международного сообщества. Если, скажем, сложности с инклюзивным нормативным регулированием охраны окружающей среды достаточно давно и прочно закрепились в повестке как чувствительные, но предсказуемые и в целом приемлемые здесь и сейчас, то сворачивание международного сотрудничества в области освоения космоса, а также противодействия терроризму и организованной преступности вызывает большую озабоченность экспертного сообщества. Подобное положение дел демонстрирует очертания пределов взаимозависимости и сотрудничества, за которыми лежит во многом неприглядное для сторонников либеральной парадигмы, но принципиально важное для изучения и понимания пространство односторонних действий по продвижению национальных интересов в духе шмиттовского политического, когда в полярности этики и экономики «конечно, обнаруживается удивительная систематичность и последовательность, и эта система, мнимо неполитическая и якобы даже антиполитическая, либо служит существующему разделению на группы друзей и врагов, либо же ведет к новому и потому неспособна избежать политического как своего неминуемого следствия» [Василик, 2000, с. 42–43].

⁷ Метафора заимствована у И.Н. Тимофеева. См.: [Тимофеев, 2019].

Преждевременный реванш реализма

Завершая рассуждения об объяснительных возможностях либерализма мыслью о «реванше» политического в международном измерении, мы отмечаем вполне объяснимое желание в противовес рассмотреть парадигму, которая в своей природе заключает диалектику друга и врага, то есть реализм. На первый взгляд, именно реализм адекватен текущему состоянию мирополитического взаимодействия; более того, создается впечатление, что описание санкционной проблематики ведется преимущественно в категориях политического реализма, в числе которых, прежде всего, национальный интерес и прагматизм. Если обратить внимание на риторику официальных российских и американских СМИ по вопросу антироссийских санкций, то ее «реалистская» окрашенность вряд ли вызовет сомнения.

1) «Администрация президента пока не ознакомилась с сутью предлагаемых Госдумой ответных мер против США, однако в Кремле уверены, что контрсанкции не причинят ущерба национальной экономике», — заявил журналистам пресс-секретарь главы государства Д. Песков. <...> «О приоритете национальных интересов России при принятии таких решений неоднократно говорил президент В. Путин», — подчеркнул Песков. «Интерес российских парламентариев к теме противодействия антироссийской санкционной политике объясним и понятен, — отметил представитель Кремля: депутаты работают над минимизацией последствий введенных против России санкций и над ответными мерами» [Ведомости, 2018].

2) Прежде о том, что Москва оставляет за собой право ответить на санкции, принятые Вашингтоном в отношении российских предпринимателей и компаний, заявляли в российском МИДе. «Если власти США предпочитают рвать экономические и прочие связи с Россией, это их право, как мы оставляем за собой право на ответ», — утверждали во внешнеполитическом ведомстве. «Медведев после этого поручил правительству проработать меры поддержки для попавших под санкции компаний. Экономические санкции хотя и являются инструментом политического влияния, бьют по обычным людям», — подчеркивал премьер, уточняя, что именно поэтому меры господдержки будут направлены «не на компенсацию потерь владельцев компаний, а прежде всего на сохранение производств и рабочих мест» [РБК, 2018].

3) Текущие дебаты о санкциях в отношении России сосредоточены вокруг того, какие меры должны применяться и кто должен быть их объектом. Действительно ли мы наказываем тех, чье поведение мы хотим изменить? Достаточно ли проблем испытывают те, кто виновен в хаосе на Украине и в Крыму, в безрассудных покушениях на С. Скрипаля и других лиц, в необоснованных вмешательствах в выборы на Западе? Можем ли мы уязвить российские элиты настолько, чтобы это наконец заметил В. Путин? Предпринимаем ли мы достаточно усилий? [Twigg, 2019]

Более того, уже упомянутый Э. Фишман, рассуждая вполне в духе реализма, предлагает США проводить своего рода «санкционные учения»: «Соединенным Штатам нужно готовиться к грядущим экономическим баталиям, реформируя свой санкционный аппарат. <...> В первую очередь нужно на постоянной основе наладить процесс проработки санкций на экстренный случай. Так же как военные прорабатывают детальные планы войн, которые когда-нибудь могут понадобиться, сотрудники Госдепартамента, Минфина и других ведомств должны создать и постоянно обновлять типовые планы быстрого введения санкций в случае необходимости. Чтобы отработать эти планы на практике и продемонстрировать готовность властей США их применить, нужно регулярно проводить что-то вроде военных учений с симуляцией кризисов, в разрешении которых санкции способны сыграть существенную роль» [Фишман, 2018].

Однако важно четко понимать, что уместные – и даже, успешные – с точки зрения так называемого адвокатирувания политического курса (policy-advocacy) приемы, используемые в медийной и околomedийной риторике, зачастую оказываются несостоятельными в рамках академического дискурса в его узком понимании. В этой связи оценивать потенциал реализма необходимо, прежде всего, с теоретико-методологических позиций, сосредоточившись на его внутренних противоречиях.

Главная проблема реализма заключается в его трактовке движущих сил международных отношений. Даже если принять во внимание определенные расхождения в позициях авторов-реалистов (которые преимущественно касаются границ применения силы на международной арене [Elman, Jensen, 2014]), то парадигма носит государствоцентричный характер, то есть исходит из той предпосылки, что именно государства продолжают оставаться субъектами международных отношений [Freyberg-Inan, 2009]. Однако если сопоставить этот центральный для реализма тезис с практикой введения и реализации ограничительных мер, то возникает очевидное противоречие: санкции вводятся государствами в отношении конкретных лиц и компаний, что не вписывается в логику государствоцентричных международных отношений, являясь отражением их более сложной структуры.

Опираясь на хрестоматию «Политика санкций: цели, стратегии, инструменты» [Тимофеев, Махмутов, 2018], подготовленную Российским советом по международным делам (РСМД) в рамках систематизации российского опыта изучения санкционной проблематики, а также на исследование «Влияние международных санкций на устойчивое развитие России» [Апануев et al., 2018], можно составить таблицы, демонстрирующие субъектно-объектное измерение международных экономических санкций в отношении России.

Таблица 1. Отраслевое измерение санкций

Отрасль экономики	Введенные санкции
ТЭК	Санкции в отношении топливно-энергетических компаний, их дочерних и аффилированных структур («Роснефть», «Транснефть», «Новатэк», «Газпром», «Газпромнефть», «Лукойл», «Сургутнефтегаз»). Запрет на экспорт технологий, связанных с нефтедобычей и нефтепереработкой. Замораживание существующих совместных проектов в сфере нефтяной промышленности и приостановка разработки новых
Финансы и банковский сектор	Замораживание финансовых активов физических и юридических лиц. Ограничения в отношении размещения средств в зарубежных банках. Ограничение возможностей по ведению банковской деятельности «Сбербанк», ВТБ, «Газпромбанк», «Внешэкономбанк», «Россельхозбанк». Сокращение доступа к кредитным средствам. Отключение от международных платежных систем
ОПК (Оборонно-промышленный комплекс)	Прекращение двусторонних сделок по продаже вооружений. Запрет на поставку российской стороне технологий военного назначения, а также продукции двойного применения
Внеотраслевые санкции	Персональные ограничения в отношении физических и юридических лиц. Отказ от инвестиционной деятельности, а также поставки оборудования и материалов, применяемых в ключевых отраслях промышленности Крыма и Севастополя

Источник: составлено автором.

Таблица 2. Субъектно-объектное измерение санкций

Санкции в отношении государства как актора международных отношений	Санкции в отношении негосударственных акторов
<p>Исключение России из «Большой восьмерки».</p> <p>Замораживание военно-технического сотрудничества с НАТО, США и ЕС, включая сокращение сотрудничества в Арктике.</p> <p>Сворачивание межправительственного диалога в традиционных форматах российско-американской президентской комиссии, Совета Россия – НАТО, Россия и Совет Европы.</p> <p>Прекращение сотрудничества в области мирного атома.</p> <p>Прекращение сотрудничества в области борьбы с международным наркобизнесом и незаконным оборотом наркотиков.</p> <p>Сворачивание сотрудничества по борьбе с международным терроризмом.</p> <p>Введение комплекса ограничительных мер в отношении Крыма и Севастополя как субъектов Российской Федерации.</p> <p>Ограничения вещания российских телеканалов</p>	<p>Замораживание международными платежными системами Visa и MasterCard операций ряда российских банков (включая заморозку операций с банковскими картами на территории Крыма).</p> <p>Санкции в отношении финансово-банковской системы (в том числе английский The Criminal Finances Bill – «Закон о криминальных финансах»).</p> <p>Таргетированные ограничительные меры в отношении представителей бизнес- и политической среды (в том числе положение о «политически значимых лицах»)*</p>

* Уже в 2017 г. под санкциями находились 78 федеральных политиков, чиновников и военных, 29 политиков Крыма и Севастополя, 16 бизнесменов и четыре общественных деятеля. См.: [Демьянчук, 2017].

Источник: составлено автором.

Таким образом, называя санкции, например, «антироссийскими», мы должны понимать, что в рамках академического дискурса это в определенном смысле метафора. Таблицы демонстрируют отмеченный выше парадокс: оставаясь приверженцем реализма, необходимо либо признать, что санкции являются несущественным – своего рода косметическим – элементом международных отношений, который можно не принимать во внимание, либо сделать вывод о том, что реализм в его современном виде испытывает сложности в интерпретации действительности.

Выводы и дальнейшая дискуссия

Рассмотрение санкционной проблематики с теоретико-методологических позиций показывает, что на сегодняшний день две ведущие парадигмы в теории международных отношений – либерализм и реализм в их современном состоянии – сталкиваются со сложностями в интерпретации действительности, поскольку заключают в себе ряд внутренних противоречий.

Либерализм в его собирательном понимании уязвим в вопросах экономического измерения международных отношений (комплексная взаимозависимость), а также в трактовке международных режимов как универсального регулятора и предохранительного механизма в условиях нарастания конфликтности.

В то же время реализм, который, на первый взгляд, может быть использован для описания сегодняшней санкционной реальности в противовес либерализму, также имеет и слабые стороны. Несмотря на то что зачастую санкционная риторика обладает выраженной реалистской окраской (прежде всего речь идет о возросшей частотности

использования категорий силы, национального интереса и прагматизма), в строгом академическом понимании реализм нуждается в адаптации, поскольку его акцент на государствоцентричности международных отношений вынуждает либо игнорировать тот факт, что значительная часть санкций вводится государствами в отношении негосударственных субъектов, либо нивелировать роль государства, что, безусловно, нанесет серьезный удар по ядру самой парадигмы.

В результате санкционная проблематика оказывается в своего рода серой зоне объяснительных конструкций уровня высокой абстракции, в то время как потребность ее осмысления не только с помощью теорий среднего уровня явно назрела. Решение этой задачи требует либо серьезного вмешательства в фундаментальные основы двух ведущих школ международно-политической мысли (что, возможно, значительно отразится на их будущем облике), либо отказа от идеи осмыслять санкции в категориях больших теорий в принципе (тогда, вероятно, академическая мысль будет двигаться в сторону классического институционализма с соответствующим набором поддерживающих теорий среднего уровня и исследовательских инструментов), либо поиска «третьего пути», которым, в частности, может стать обращение к конструктивизму как основе для создания новой онтологии международного взаимодействия (однако этот путь существенно ограничен фрагментарностью и неочевидным созидательным потенциалом самого конструктивизма в его нынешнем виде). Так или иначе, полагаю, что дальнейшая дискуссия на данном направлении будет сосредоточена вокруг возможности инкорпорировать и легитимизировать эмпирические данные, полученные в ходе изучения санкций нетрадиционными для современной теории международных отношений исследовательскими инструментами.

Источники

Алексеева Т.А. (2014) Мыслить конструктивистски: открывая многоголосный мир // Сравнительная политика. Т. 14. № 1. С. 5. Режим доступа: [https://doi.org/10.18611/2221-3279-2014-5-1\(14\)-4-21](https://doi.org/10.18611/2221-3279-2014-5-1(14)-4-21) (дата обращения: 01.06.2019).

Ананьев Б.И., Кокарев К.П., Силаев Н.Ю., Сушенцов А.А., Чеков А.Д., Фомин И.В. (2018) Академические практики прогнозирования в международных отношениях: методологические доминанты и нерешенные проблемы // Вестник МГИМО-Университета. Т. 63. № 6. С. 159–193. Режим доступа: <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2018-6-63-159-193> (дата обращения: 01.06.2019).

Василик М.А. (ред.) (2000) Политология: хрестоматия. М.: Гардарики.

Ведомости (2018) Кремль допустил санкции против США, но не в ущерб национальным интересам. 13 апреля. Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2018/04/13/766634-kreml-prokommentiroval-ideyu-deputatov-vvesti-otvetnie-sanktsii-protiv-ssha> (дата обращения: 01.06.2019).

Демьянчук А. (2017) Три года санкций: потери и приобретения // ТАСС. 17 марта. Режим доступа: <https://tass.ru/politika/4103932> (дата обращения: 01.06.2019).

Коэн Р. (1999) Кооперативная безопасность. Структурная схема для лучшего будущего? Ч. 1. Терроризм и антитеррористическая деятельность. Гармиш-Партенкирхен.

Лякин А.Н., Рогов М.И. (2017) Санкции и контрсанкции: использование политических инструментов для реализации экономических целей // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. Т. 13. № 8. С. 1396–1414. Режим доступа: <https://doi.org/10.24891/ni.13.8.1396> (дата обращения: 01.06.2019).

Мертон Р.К. (2006) Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ; Хранитель.

РБК (2018) Лидеры фракций внесли в Госдуму проект об ответных мерах на санкции США. 13 апреля. Режим доступа: <https://www.rbc.ru/politics/13/04/2018/5ad054319a7947e1865fa03e> (дата обращения: 01.06.2019).

- Сушенцов А.А. (2017) Режим санкций и новая экономическая реальность // Россия в глобальной политике. 7 апреля. Режим доступа: <https://globalaffairs.ru/global-processes/Rezhim-sanktcii-i-novaya-ekonomicheskaya-realnost-18669> (дата обращения: 01.06.2019).
- Тимофеев И.Н. (2018) Экономические санкции как политическое понятие // Вестник МГИМО-Университета. Т. 59. № 2. С. 26–42. Режим доступа: <https://vestnik.mgimo.ru/jour/article/view/764/768> (дата обращения: 01.06.2019).
- Тимофеев И.Н. (2019) Принуждение непокорных. Идеальный шторм санкционной войны: доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай». Режим доступа: <http://ru.valdaiclub.com/files/24564/> (дата обращения: 01.06.2019).
- Тимофеев И.Н., Махмутов Т.А. (ред.) (2018) Политика санкций: цели, стратегии, инструменты: хрестоматия. Российский совет по международным делам (РСМД). М.: НП РСМД. Режим доступа: https://russiancouncil.ru/upload/iblock/796/r1ac_sanctions_book.pdf (дата обращения: 01.06.2019).
- Фишман Э. (2018) Умные санкции. Как вести борьбу в эпоху экономических войн // Россия в глобальной политике. 13 февраля. Режим доступа: <https://globalaffairs.ru/number/Umnye-sanktcii-19360> (дата обращения: 01.06.2019).
- Хаас Р. (2019) Чем закончится миропорядок // Россия в глобальной политике. 21 января. Режим доступа: <https://globalaffairs.ru/global-processes/Chem-zakonchitsya-miroporoyadok-19919> (дата обращения: 01.06.2019).
- Цыганков П.А. (2000) Безопасность: кооперативная или корпоративная? (Критический анализ международно-политической концепции) // Полис. Политические исследования. № 3. С. 128.
- Ananyev V., Vaslavskiy Y., Sergi B. (2018) The Impact of International Sanctions on Russia's Sustainable Development. Exploring the Future of Russia's Economy and Markets: Towards Sustainable Economic Development / B. Sergi (ed.). Bingley: Emerald Publishing Limited. P. 201–218.
- Cooper Z., Lorber E. (2016) Sanctioning the Dragon // The National Interest. February 23. P. 36–42. Режим доступа: <https://nationalinterest.org/feature/the-right-way-sanction-china-15285> (дата обращения: 01.06.2019).
- Duncan S. (1991) Relative Gains and the Pattern of International Cooperation // American Political Science Review. Vol. 85. No. 3. P. 701–726.
- Elliott K., Hufbauer G., Oegg B., Shott J. (2009) Economic Sanctions Reconsidered. Peterson Institute for International Economics.
- Elman C., Jensen M. (2014) The Realism Reader. N.Y.: Routledge.
- Feaver P.D., Lorber E.B. (2015) The Sanctions Myth // The National Interest. June 15. Режим доступа: <https://nationalinterest.org/feature/the-sanctions-myth-13110> (дата обращения: 01.06.2019).
- Freyberg-Inan A., Harrison E., James P. (eds) (2009) Rethinking Realism in International Relations: Between Tradition and Innovation. Baltimore: Johns Hopkins University Press.
- Gallagher N.W. (ed.) (2012) Arms Control: New Approaches to Theory and Policy. L.: Routledge.
- Gallie W.B. (1955) Essentially Contested Concepts // Proceedings of the Aristotelian Society. Vol. 56. P. 167–198.
- Gieco J.M. (1988) Anarchy and the Limits of Cooperation: A Realist Critique of Newest Liberal Institutionalism // International Organization. Vol. 42. No. 3. P. 485–507.
- Keohane R.O., Nye J.S. (1987) Power and Interdependence Revisited // International Organization. Vol. 41. No. 4. P. 725–753.
- Levy M.A., Young O.R., Zurn M. (1995) The Study of International Regimes // European Journal of International Relations. Vol. 1. No. 3. P. 267–330. Режим доступа: <https://doi.org/10.1177/1354066195001003001> (дата обращения: 01.06.2019).
- Twigg J. (2019) Russia is Winning the Sanctions Game // The National Interest. March 14. Режим доступа: <https://nationalinterest.org/blog/skeptics/russia-winning-sanctions-game-47517> (дата обращения: 01.06.2019).

Waltz K.N. (2000) Structural Realism After the Cold War // *International Security*. Vol. 25. No. 1. P. 5–41.
Режим доступа: <https://doi.org/10.1162/016228800560372> (дата обращения: 01.06.2019).

Waltz K.N. (2008) *Realism and International Politics*. N.Y.: Routledge.

Wendt A. (1992) *Anarchy is What States Make of it: The Social Construction of Power Politics*. P. 394.

Sanctions in IR: Understanding, Defining, Studying¹

B. Ananyev

Boris Ananyev – Lecturer, Department of Political Theory, MGIMO University; 76 Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russian Federation; E-mail: ananyevboris92@gmail.com

Abstract

This article examines the ability of the two leading theoretical perspectives in international relations (IR) – realism and liberalism – to explain various aspects of sanctions implemented against Russia after 2014, as well as Russia's countermeasures. Following arguments developed by Robert K. Merton, the author underlines the importance of middle-range theories in studying phenomena that lie at the confluence of economics, legal studies and political science, e.g. international sanctions. Moreover, the author points out the evident and pressing need to integrate sanctions within a broader theoretical context which would contribute to rethinking the nature of contemporary political interactions.

The author consequently tests liberal and realist paradigms and concludes that sanctions fall into the grey zone of their explanatory capabilities. Finally, the author concludes that scholars should either abandon the idea of studying sanctions in terms of big theories and return to an instrumental understanding or they should reconfigure international realist and liberal explanatory principles – which would probably change the paradigms significantly. A third option is to develop a new ontology of international relations.

Keywords: IR theory; political theory; sanctions; economic sanctions; middle-range theory; methodology

For citation: Ananyev B. (2019) Sanctions in IR: Understanding, Defining, Studying. *International Organisations Research Journal*, vol. 14, no 3, pp. 136–150 (in English). DOI: 10.17323/1996-7845-2019-03-07.

References

- Alexeyeva T.A. (2014) Myslit' konstruktivistski: otkryvaya mnogogolosnyi mir [Think Like a Constructivist: Discovering a Polyphonic World]. *Comparative Politics Russia*, vol. 1, no 14, pp. 4–21. Available at: [https://doi.org/10.18611/2221-3279-2014-5-1\(14\)-4-21](https://doi.org/10.18611/2221-3279-2014-5-1(14)-4-21) (accessed 1 September 2019). (in Russian)
- Cooper Z., Lorber E. (2016) The Right Way to Sanction China. *The National Interest*, 23 February. Available at: <https://nationalinterest.org/feature/the-right-way-sanction-china-15285> (accessed 1 September 2019).
- Elman C., Jensen M. (2014) *The Realism Reader*. New York: Routledge.
- Feaver P.D., Lorber E.B. (2015) The Sanctions Myth. *The National Interest*, 15 June. Available at: <https://nationalinterest.org/feature/the-sanctions-myth-13110> (accessed 1 September 2019).
- Fishman E. (2018) Umnye sankcii. Kak vesti bor'bu v epohu ekonomicheskikh vojn [Smart Sanctions: How to Fight in the Era of Economic Warfare]. *Russia in Global Affairs*, 13 February. Available at: <https://globalaffairs.ru/number/Umnye-sanktcii-19360> (accessed 10 January 2019). (in Russian)
- Fomin I.V., Kokarev K.P., Ananyev B.I., Silaev N.Y., Sushentsov A.A., Chekov A.D. (2018) Akademicheskie praktiki prognozirovaniya v mezhdunarodnyh otnosheniyah: metodologicheskie dominanty I nereshennyye problem [Forecasting Practices in Academic IR: Methodological Mainstream and Unsolved Problems]. *MGIMO Review of International Relations*, vol. 6, no 63, pp. 159–93. Available at: <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2018-6-63-159-193> (accessed 1 September 2019). (in Russian)
- Freyberg-Inan A., Harrison E., James P. (eds) (2009) *Rethinking Realism in International Relations: Between Tradition and Innovation*. Baltimore: Johns Hopkins University Press.

---

¹ The editorial board received an article in March 2019.

- Gallagher N.W. (ed.) (2012) *Arms Control: New Approaches to Theory and Policy*. London: Routledge.
- Gallie W.B. (1956) Essentially Contested Concepts. *Proceedings of the Aristotelian Society*, vol. 56, no 1, pp. 167–98. Available at: <https://doi.org/10.1093/aristotelian/56.1.167> (accessed 1 September 2019).
- Gieco J.M. (1988) Anarchy and the Limits of Cooperation: A Realist Critique of Newest Liberal Institutionalism. *International Organization*, vol. 42, no 3, pp. 485–507. Available at: <http://doi.org/doi:10.1017/S0020818300027715> (accessed 1 September 2019).
- Haass R. (2019) Chem zakonchitsya miropanyadok [How a World Order Ends and What Will Replace It]. Russia in Global Affairs, 21 January. Available at: <https://globalaffairs.ru/global-processes/Chem-zakonchitsya-miropanyadok-19919> (accessed 15 February 2019). (in Russian)
- Hufbauer G., Shott J., Elliott K., Oegg B. (2009) *Economic Sanctions Reconsidered, Third Edition*. Peterson Institute for International Economics.
- Keohane R.O., Nye J.S. (1987) Power and Interdependence Revisited. *International Organization*, vol. 41, no 4, pp. 725–53. Available at: <http://www.jstor.org/stable/2706764> (accessed 1 September 2019).
- Kohen R. (1999) *Kooperativnaya bezopasnost'. Strukturalnaya shema dlya luchshego buduschego? Ch. 1: Terrorism i antiterroristicheskaya deyatel'nost'* [Does Cooperative Security Fit the Future World Well? Ch. 1. Terrorism and Counter-Terrorism]. Garmish-Partenkirchen. (in Russian)
- Levy M.A., Young O.R., Zürn M. (1995) The Study of International Regimes. *European Journal of International Relations*, vol. 1, no 3, pp. 267–330. Available at: <https://doi.org/10.1177/1354066195001003001> (accessed 1 September 2019).
- Lyakin A.N., Rogov M.I. (2017) Sankcii i kontrsankcii: ispol'zovanie politicheskikh instrumentov dlya realizacii ekonomicheskikh celej [Sanctions and Counter-Sanctions: The Use of Political Tools for Economic Purposes]. *National Interests: Priorities and Security*, vol. 13, no 8, pp. 1396–1414. Available at: <https://doi.org/10.24891/ni.13.8.1396>. (in Russian)
- Merton R.K. (2006) *Social'naya teoriya i Social'naya struktura [Social Theory and Social Structure]*. Moscow: AST, Hranitel'. (in Russian)
- Snidal D. (1991) Relative Gains and the Pattern of International Cooperation. *American Political Science Review*, vol. 85, no 3, pp. 701–26. Available at: <https://doi.org/10.2307/1963847> (accessed 1 September 2019).
- Sushencov A.A. (2017) Rezhim sankciy i novaya ekonomicheskaya real'nost' [Sanctions Regime and the New Economic Reality]. Russia in Global Affairs, 7 April. Available at: <https://globalaffairs.ru/global-processes/Rezhim-sankcii-i-novaya-ekonomicheskaya-realnost-18669> (accessed 10 January 2019). (in Russian)
- Timofeev I.N. (2018) Ekonomicheskie sankcii kak politicheskoe ponyatie [Economic Sanctions as a Concept of Power Politics]. *MGIMO Review of International Relations*, vol. 2, no 59, pp. 26–42. Available at: <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2018-2-59-26-42> (accessed 1 September 2019). (in Russian)
- Timofeev I.N., Makhmutov T.A. (2018) *Politika sankciy: celi, strategii, instrumenty. Hristomatiya [Sanctions Policy: Aims, Strategies, Instruments]*. Moscow: RIAC. (in Russian)
- Tsygankov P.A. (2000) Bezopasnost': kooperativnaya ili korporativnaya? (Kriticheskij analiz koncepcii) [Security: Cooperative or Corporate? (Critical Analysis of the Concept)]. *Polis: Political Studies*, vol 3, pp. 128–39. (in Russian)
- Vasilik M.A., Vershinin M.S. (2000) *Politologiya: hrestomatiya [Political Science: Reader]*. Moscow: Gardariki. (in Russian)
- Vaslavskiy Y. (2018) The Impact of International Sanctions on Russia's Sustainable Development. *Exploring the Future of Russia's Economy and Markets* (Y. Vaslavskiy, B. Ananyev, B. Sergi (eds)). Bingley: Emerald Publishing Limited.
- Waltz K.N. (2000) Structural Realism After the Cold War. *International Security*, vol. 25, no 1, pp. 5–41. Available at: <https://doi.org/10.1162/016228800560372> (accessed 1 September 2019).
- Waltz K.N. (2008) *Realism and International Politics*. New York: Routledge.
- Wendt A. (1992) Anarchy is What States Make of It: The Social Construction of Power Politics. *International Organization*, vol. 46, no 2, pp. 391–425. Available at: <https://doi.org/10.1017/S0020818300027764> (accessed 1 September 2019).